

Метафизика дороги

Человек берет себя с собой, когда он путешествует
Эрнст Блох

... странное движение перехода
Секст Эмпирик

Человек оставляет себя в том месте, откуда он отправляется в путь. Сначала он прощается со всеми, кого покидает, он говорит «прощай» всему, с чем расстается. С этого начинается путешествие, которое бы не состоялось, если бы не удалось преодолеть зависимость и сдвинуться с места. Движение начинается с приобретения легкости и отказа от многих вещей и привычек, накопившихся в освоенном пространстве. Хайдеггер называет это пробуждением отрешенности и позволением вступить сущности в нечто¹. Между тем, что расположено «здесь», и тем, что скрывается «там», пролегает дорога, соединяющая эти разные места уникальным образом: чтобы прийти в намеченное место, нужно выбрать правильное направление, соблюдать некие правила движения и не сходить с дистанции. Преодоление расстояния вознаграждает путника свидетельством очевидности. Дорога всегда к чему-то приводит, однако не будем спешить с выводами. У дороги собственная сущность, которая не сводится к тому, чтобы быть перемычкой двух мест².

С прощания у двери начинается дорога. Не простившись, не уйдешь, замешкаешься и вернешься. Высвобождение от сил тяготения, в котором сосредоточена вся мощь обоюдной причастности человека и его окружения, сродни измене, и потому у всякого, кто ступает на дорогу и отправ-

¹ См.: *Хайдеггер, Мартин*. Разговор на проселочной дороге. М. : Высшая школа, 1991. С. 114.

² «А что, если все наоборот: не переход есть функция движения, а пункты эти есть средство перехода, есть то, что важно лишь постольку, поскольку дает возможность переходу состояться?» (*Лехциер, В. Л.* Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. Самара : Самарский университет, 2007. С. 4).

ляется в путь, есть чувство веселой вины за собственную отрешенность от тех, кого он оставляет, даже если они оказываются злыми сокамерниками или надоевшими обитателями больничной палаты. Там же, где существование бессмысленно, вины (способности быть индивидуальной причиной поступка и перемен) не ощущают и потребности в прощении не испытывают. Кому претит делать фальшивые жесты, тот не любит следовать этой древней традиции. Прощание действительно оказывается пустым ритуалом, уступкой старушечьему предрассудку «посидеть на дорожку», если оно не является просьбой о прощении. Его глубинный смысл в этом и состоит: непрощенному тяжело подниматься, идти, избавляться от груза прошлого. Дорога отсекает какую-то часть жизни, поэтому ожидаемая «перемена мест», объясняющая в учении Энесидема и других греческих философов суть «движения перехода», оказывается «движением изменения», сменой статуса. Тот, кто отправляется в путь, завершает его иным. «Если человек в путешествии остается неизменным, это плохое путешествие», — заметил Эрнст Блох³.

Из мест, где событие невозможно, хочется бежать, но событие побега невозможно по той же причине.

Дорога предназначена для сообщения в обоих смыслах этого слова, т. е. перемещения в какую-либо сторону и повествования о случившемся событии. Отправляясь на Сахалин, А. П. Чехов писал в письме к А. С. Суворину от 9 марта 1890 г.: «Пусть поездка не даст мне ровно ничего, но неужели все-таки за всю поездку не случится таких 2-3 дней, о которых я всю жизнь буду вспоминать с восторгом или горечью?»⁴ Путешествие, в котором ничего не приключилось и о котором нечего рассказать, оказывается лишь деловой поездкой, прогулкой, словом, обычным фактом. И потому захватывает дух, когда по какому-либо случайному поводу оказываешься на вокзале, этом обустроенном входе в собственное инобытие, и вдыхаешь его дымный воздух несостоявшихся

³ Блох, Эрнст. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург : Екатеринбургский университет, 1997. С. 86.

⁴ Чехов, А. П. Собрание сочинений. Том одиннадцатый. Письма. 1877-1892. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 398.

или ожидаемых событий. Дорога — это особый способ человеческого существования «между». Каждый, кто оказался на ней, отныне живет в перспективе, преддверии. Он обретает способность видеть не просто вещи, но занимаемое ими пространство, и сама дорога увлекательна именно этой игрой мест. Возникающие по мере движения объекты обманчивы: то, что сначала виднеется справа, пронесется слева, человек на обочине оказывается деревом с качающимися ветками, а сама округа шевелится как неведомый зверь под огромным покрывалом. Расположенный в переходе между сущностями, путник с интересом (*inter esse?*) взирает на мир, не подчиняясь традиции его познания как созерцания неподвижной субстанции. В меняющейся картине мира основание постоянства сосредоточено в точке обзора, и потому в путешествии люди легко становятся философами, взгляду которых доступно непосредственное соотношение предметов. Только путнику по-настоящему видна кромка земли (а не очертания далекого леса) и движение неподвижности: втекающая в воронку степь, поклон скалы, пляска облаков и вечно качающееся небо. Одна панорама сменяется другой, один попутчик уступает место другому, и лишь дорога умудряется проскальзывать сквозь все эти груды говорящих о себе творений и придавать вибрациям заполняемой различными предметами пустоты оттенок угадываемого мотива.

Любая дорога — это уже канва какого-либо сюжета. Можно наугад открыть первую страницу любимых романов и сразу встретить описание бричек, саней, трактиров, полуденного зноя и прочих примет дорожного быта. Дождь, грязь, государственные праздники, почва, общественные беспорядки, личность градоначальника, политический режим, историческое прошлое, холодная курица, квас и рельеф местности — все это несуразное нагромождение разнопорядковых явлений, коль скоро оно имеет отношение к дороге, без каких-либо чрезмерных интеллектуальных усилий упорядочивается в смысловое единство путешествия. Любая речь об увиденном преобразуется дорогой в повествование, в мысль, и философское рассуждение начинается легко и просто — так образуется незатейливая мелодия в мычании бредущего своей дорогой человека.

В дороге событие имеет, как правило, форму встречи и потому часто оказывается произнесенным словом — предупреждением, назиданием, приговором, суждением. Всякое затруднение, встретившееся на дороге, воспринимается людьми как результат своей прошлой ошибки. Тот, кто находится в пути, бессознательно склонен к исповеди. Дорожные разговоры этим и примечательны.

Путешественники-одиночки воспринимают все события дня как диалог, который они ведут неизвестно с кем. И дело не в их очевидной склонности к бормотанию под нос, а в том, что нахождение в пути, геометрически представленное движущейся точкой на отрезке, никогда не бывает одним лишь поглощением расстояния, но подчинено законам общения внутри социальной процедуры — оно может быть испытанием, провокацией, доказыванием, спором с сослуживцами и друзьями. Вне жизненного контекста дорога может мыслиться как расстояние между точками, но в этом качестве она никому, включая преподавателей геометрии, не нужна.

Дорога сама собой организует и превосхищает события. Тот, кто вышел на дорогу, обязательно станет участником или свидетелем какой-нибудь истории. Характер дороги определяет жанр повествования о судьбе всякого, кто на ней оказался («на скользкой дороге», «по тонкому льду», «в пыли на почтовых»). Понятно, что если «твердо встал на путь исправления», то единственно возможным и логически предсказуемым последствием может быть лишь досрочное освобождение из мест лишения свободы. Однако дорога в качестве философской метафоры — тема другого сочинения.

Являя собою обустроенное пространство движения, дорога фиксирует тот или иной способ мышления. Преодоление пространства всегда подчинено мысли и соответствует некоему рассуждению. Мышление и дорога настолько близки в своей сути, что трудно понять, когда и что из них выступает метафорой, что и с чем сравнивают. С одной стороны, движение мысли есть «трансцендентально-горизонтальное представление» (Хайдеггер), логическое умозаключение понимается как выход к определенному суждению, метод трактуется как «путь мышления», с другой — движение по дороге требует интеллектуальных усилий: с нее сбивается всякий, кто перестает правильно мыслить. Спорщики, переставшие

понимать друг друга, возвращаются назад — к тому месту в разговоре, где их мнения разошлись. Последовательность направлений на указателях московской окружной дороги соответствует тому, как рассуждает водитель, ищущий свой поворот. Находясь на дороге, где трудно предугадать ее изгибы, путешественник чертыхается. И действительно, надо быть идиотом, чтобы прокладывать дорогу, которая петляет по ровной местности, огибает несуществующие препятствия и, наконец, приводит к куче вываленного щебня. Но раздражение проходит, когда понимаешь, что эту дорогу прокладывали не для тебя и в иные времена — не в те, когда тебе пришлось на нее выйти. Когда приходит понимание принадлежности дороги своему времени, среди поросших бурьяном полей и оставленных под присмотр птиц одичавших яблонь проступают контуры исчезнувшей деревеньки, кладбище, бугор, на котором стояла церковь или колхозная ферма. Тогда округа оживает, виден колодец или место, где он должен быть. И становится ясно, что дороги, если это не выдуманные и потому обреченные на забвение стройки коммунизма, никогда не прокладывались для потомков с ущербом для современников. Они были предназначены для общения общающихся. А потому у каждой из них свой исторический контекст, вне которого ее поведение не прочитывается, и своя правда, не всегда совпадающая с идеологией основателей и учредителей дорожного сообщения. Трасса от Самары в сторону Уфы именуется «пекинской», потому что ее строили в пятидесятые годы, когда дружба СССР и Китая достигла своего апогея. Однако до Пекина по ней не доехать до сих пор, и даже путь из европейской части России в Сибирь осложняется вынужденным общением с казахскими пограничниками.

Коль скоро дорога связывает социальное пространство в некое единство, она не может не указывать на метафизический замысел ее строителей. Все, кто вышел на дорогу, оказываются если не единомышленниками, то по меньшей мере попутчиками. Оказаться на обочине — это значит не разделять целей, с которыми по дороге идут другие люди. «На обочине» — так мог бы называться судебный очерк, написанный членом союза советских писателей. Порою дорога остается как память о смелом решении. Бросок армии — это не

просто маневр, а воспроизведение неожиданного и стремительного хода мысли полководца. Перемещение в пространстве бытовых вещей также подчинено идее. Вопрос грузчика «куда ставить шкаф?» — это не констатация отсутствия места в помещении, а предложение хозяину завершить процесс мышления определенным суждением об устройстве домашнего пространства. В дороге вещи перемещаются по известной и легко угадываемой траектории, все движется надлежащим образом и потому застывшее в одной позе тело ввергает в ужас, а непредсказуемые маневры автомобиля вызывают тревогу за жизнь и судьбу водителя.

Чем быстрее движение, тем больше следует быть внимательным. Дорога ограничивает восприятие пространства и все ее обустройство предназначено для движения в выбранном направлении, подобно тому, как в обсуждении какого-либо предмета этика спора предписывает придерживаться выбранной темы и не утомлять собеседников уходом от существа вопроса в сторону. В медленной езде по проселочной дороге свои преимущества — ничего не пропустишь, больше увидишь и поймешь. Но и в скоростной гонке по автострате есть свой резон: там предметы перестают существовать в своей неподвижной определенности, превращаясь в размытые очертания, фикции и лишённые предметности идеи (типа «что привезти жене из Заполярья»). Единственной точкой реальности оказываешься ты сам, а сопровождающие гонку звуки с их тональностью и ритмичностью говорят тебе о твоих шансах на возвращение к оставленному дому.

Дорога узнается очень просто — это место, протоптанное людьми. Мы видим лесную тропинку и, ступая на нее, уверены в том, что она куда-нибудь да приведет — к стогу сена, вырубке, реке, колодцу, жилищу, проему в заборе. По деревенским тропкам — особенно зимой — легко догадаться, кто из местных обитателей с кем дружит. По дорогам, связывающим областные центры, можно судить о том, нужны ли губернаторы и их губернии друг другу. Дороге всегда доверяют, если на ней есть следы пребывания, и дорога внушает опасение, если возникает подозрение, что ты — единственный, кто на ней оказался. На развилке в незнакомой местности, где не у кого спросить нужное направление, обычно выбирают более разбегенную колею. Дорогам, снабженным

государственными знаками и указанным на картах, доверяют в той мере, в которой доверяют официальной власти. Магистральные шоссе государственного значения порою так же лживы и коварны, как и само государство: они бросают путника в глухой местности перед недостроенным мостом, уведут в сторону от людей и крова, если в городе расположены особо охраняемые объекты, или самочинно производят регламентацию движения и отбор, если власть видит угрозу в смешении племен и народов, свободном перемещении услуг и товаров, беспрепятственном распространении книг и идей. Человек у шлагбаума — олицетворение государства. По его выражению лица и манере речи можно составить представление о фактической конституции страны и политической культуре населения.

Где нет дорог, нет притязаний. Сонная политическая жизнь или ее имитация у меня ассоциируется с пыльной раскаленной солнцем площадью, по которой ни у кого из горожан нет желания пройти и остановиться у памятника в ее центре. Подобно гримасам и жестам с их незамысловатыми значениями, дороги тоже кое-что сообщают о намерениях людей и их ментальности: по тому, в каком направлении и как строились дороги, мы узнаем о том, что думал народ о себе, своих соседях и об устройстве мира. И если справедливо выражение древних «все дороги ведут в Рим», нет вопроса о том, где у них был расположен центр мира. Сеть дорог подобна морщинам на лице взрослого человека: они говорят о том, какое выражение лица в большей мере соответствует его характеру.

Дороги имеют свой норов, унаследованный от тех, кто их строил. Есть нелепые дороги в тундре, забытые вместе с теми, кто лежит по обе стороны от нее, и есть дороги, которые спорят с традицией. Под Рязанью трасса М5 надвое разрезает косогор, на котором расположено старое кладбище. Под Суздаlem дороги сопровождаются мерцанием далеких куполов, и не ко всем из них легко найти повороты. К известному храму Покрова Богородицы на Нерли можно добраться по достаточно легкомысленной полевой дороге, петляющей без особой надобности по широко раскинувшемуся за городом пустырю. Службы там до недавнего времени вообще не проводились, а встречи с туристами и паломниками, по

всей видимости, обременительны этому уставшему свидетелю русской истории. Дороги к Вороньему камню на Чудском озере вообще нет, да и само событие «ледового побоища» в апреле 1242 г. ныне поставлено историками под сомнение.

Логике и мышление людей, живших в далеком прошлом, можно воспроизвести, если оказаться на дороге, по которой они ходили, ездили, которая собирала в единый социум разрозненные островки цивилизации, о которых повествует гид. Экскурсия под его руководством — особая траектория, определяемая повествованием и последовательным переходом от одного рассказа к другому. Когда люди оказываются на дороге, по которой ходили их предшественники, движение глаза мобилизует те же мышцы и вызывает схожие мысли. На Кавказе скала «Пронеси, господи!» получила имя, которое и поныне произносится снующими под ней людьми как молитва.

Горные дороги — воплощенная идея компромисса путника и ландшафта: они никогда не повторяют резких колебаний местности, но всегда проложены между крайними точками вершин и ущелий. У горных дорог всегда серьезный подтекст и короткая перспектива. Здесь решения однозначны, и принимать их следует быстро. Изгибы и повороты диктуются очевидной необходимостью. Разъехаться на «слепых поворотах» можно лишь при взаимном уважении к чужой неприкосновенности и достоинству. Обгон оскорбителен. Возможно, горные дороги — исключительные в своем роде, поскольку только там российские водители вынуждены безупречно соблюдать правила дорожного движения, мигание фарами служит предупреждению о реальной дорожной опасности, а не о гаишно-милицейской засаде.

Разные дороги предлагают разные варианты пространственных соизмерений. Забавно ездить на рыбалку по дороге на Хельсинки или встретить указатель на Пятиморск в степной местности на границе с Калмыкией. Поворот на Саласпилс, где еще сохранились ямы, в которых укрывались от холода советские военнопленные, обращает к мраку недавнего прошлого. А дорога на Ржев и Вязьму — прямой выход к симоновским текстам. До сих пор здесь многое, вплоть до продавцов мороженого, неуместно.

Дорога — это пространство, где дистанция между оплошностью и расплатой невелика. Ее суд скор. У настырных она отбирает время, у занудливых — попутчиков, у рискованных — удовольствие риска. Многие житейские истины рождены в путешествии. Знаменитое «тише едешь — дальше будешь» в условиях недостаточного финансирования правоохранительных органов претендует стать в России принципом автомобильного сообщения. Какой русский не пострадал от быстрой езды?

Вышедший на дорогу заметен и открыт, он понятен в своих намерениях, как бы ни камуфлировал свою суть. Профессиональный мошенник предлагает фальшивый товар с видом участливого к чужой судьбе человека, «путанки» едва ли не с веерами в руках бульварным шагом прогуливаются по обочине в придорожной пыли мимо брошенных автомобильных покрышек и огромных грузовиков, цыгане выпрашивают флакон машинного масла и одновременно предлагают купить медь по цене золота, сотрудник госавтоинспекции вежливо предлагает оплатить «штраф на месте». Когда в разговоре о дружбе России и Грузии упоминают о Военно-Грузинской дороге, само ее наименование вызывает сомнение относительно миролюбивых заявлений дипломатов. Но как очевидна фальшь, так же и очевидна добродетель: помощь, оказанная посторонними людьми в дороге, восстанавливает традиционную мораль в ее исконных правах. Когда тебя приглашают на ночлег, угощают молоком, устраняют неисправность колеса или предлагают лекарство, философская риторика о крушении ценностей представляется убожеством не выезжавшего далее загородного пикника парижского интеллектуала.

Дорога изобретена теми, кто возвращался к себе домой. Человек дороги — это не кочевник, едва помнящий места своих стоянок, не беглец и не утомленный собственным именем и жизнью бродяга, но путник, преодолевающий расстояние от себя к другому, движимый интересом к чужим местам и сохраняющий в памяти то, что оставлено позади, ибо все приобретенное в путешествии обнаруживает подлинный смысл в возвращении: покинутые предметы обретают иное метафизическое измерение. Путешественник испытывает мир на прочность. Настоящим бытием обладает то, что сохраняет

свое значение при отдалении от него и полной утрате своей видимости. В самом событии преодоления содержится мера состоятельности всякого сущего: вещи и чувства, испытанные в пути, становятся особенно дороги. И ради этого возведения в новую степень собственного бытия человек нуждается в путешествии, чтобы по его окончании, как вывалившийся из космического корабля Незнайка, поцеловать оставленную землю.

Тот, кто находится в пути, не принадлежит округе, в каждой точке своего пребывания он нелеп, и эта несуразность положения составляет повод для многих шуток обывателей. Его сразу распознают в сельском магазине, на тихой тенистой улочке и даже перед шумным городским перекрестком, когда путешественник вроде бы замураван в тот же объем порционного железа своего автомобиля. Его выдают знаки иного бытия — залепленное мошкой лобовое стекло и забрызганные грязью фары, госномер неизвестного региона, перегруженный велосипед, одежда, вещи, которые не нужны в обычном обиходе, особенности произношения, конструкция предложений, неуместная форма обращения и прочие малозаметные штрихи иной повседневности. Но самое принципиальное, что отличает человека в дороге от тех, кого он встречает на своем пути, заключено в нем самом — он всегда внутри события, он и есть то событие, которое с ним происходит. Чтобы путешествие состоялось, пространство должно быть неоднородным, в нем должно найтись место иному. В противном случае попытки движения оборачиваются хождением по мукам, которое не завершается приобретением и не имеет своего итога. Блуждание по бездорожью и хождение по кругу не есть феномен пути до тех пор, пока не становится поиском дороги.

В разговоре со странником трудно определить, где он. Его отстранение мешает общению. Привычная речь неуместна, потому что в разговоре с чужаком нет привычных ориентиров. Единицы измерения — дни, километры, светофоры — выдают в собеседнике его местоположение в общей смысловой картине. Трудно запомнить день недели и число, хотя можно скосить глаза на чек, выданный на автозаправке при покупке товара. Порой его речь странна и надменна. Его пренебрежительное «где у вас тут...» встречает у местных жите-

лей достойное «это не здесь». Блуждающая улыбка на его лице не случайна: он не может принять в качестве серьезного обстоятельства то, что простирается до околицы деревеньки, где он остановился поучаствовать в разговоре у сельского магазина. Когда за спиной полторы тысячи километров, как не улыбнуться, когда любопытствующий прохожий, объясняя дорогу к райцентру, цокает языком и сочувственно качает головой.

Помимо странствующих путешественников на дороге встречаются также беженцы, туристы и пассажиры. Удел беженцев — претерпевать дорогу как временное недомогание или удар судьбы. Забывшийся до известного часа пассажир таится до того момента, когда он снова окажется здесь, где бы это «здесь» ни оказалось. Проецируя прошлое на настоящее, он исключает всякую встречу со своим будущим. «Кока-кола везде одинакова». Поэтому теми, кто оказался на дороге в силу случайных обстоятельств, очень часто в дороге ценится ее отсутствие. «Не заметили, как уже приехали» — так говорят о хорошей дороге, в которой путешествие не состоялось. Приятное путешествие именуют прогулкой. Пассажиры обычно хорошо экипированы: у них есть все для того, чтобы дорога как можно меньше нарушала привычный быт и ход мыслей — журналы, вареные яйца, плеер. Для этих путешественников дорога — вывернутое бытие, которое исторгло их из своих границ, их перемещение в пространстве — ожидание, пауза, прелюдия к настоящей жизни. Как полка купе отдаленно напоминает оставленную дома кровать, так и эти люди, вынужденно преобразившись, сохраняют в себе лишь некоторые черты прежнего статуса и оставленного места. Но оберегаемое сходство лишь приблизительно, и угнетаемые утратой былой определенности, пассажиры заводят разговоры с попутчиками о том, кто они и откуда. Они несут себя как свой собственный багаж, сохранность которого определяет ценность всего, что им встречается на пути. Пассажир воспроизводит в дороге утраченный образ жизни, не желая принимать за норму удаленность от нее своего быта. На полустанке он выходит размять ноги, и любая встреча с земляком, вышедшим из соседнего вагона, грозит им обоюдным разоблачением и унижением тех, кого застали врасплох без галстука и в домашних тапочках. Поэтому эстрадные звезды и чиновники высо-

кого ранга, чей имидж приносит ощутимые дивиденды, предпочитают индивидуальные средства передвижения, а сомневающийся в своем выборе самоубийца, стоящий у входа в небытие, озабочен тем, в какой позе найдут его тело соседи и приглашенные понятия.

Иное дело — турист. Ограниченный длительностью отпуска, он ищет приключений, но страшится серьезных перемен. Нередко искренне радуясь ненаказуемой возможности пожить в маске, нарочито походной жизнью, в которой находится место романтике, флирту и мифологизации собственного прошлого, которое согласно расписанию движения поездов или графику отпусков неминуемо поджидает впереди, туристы, предпринявшие *tour* (путешествие, испытание — фр.), сродни рыцарям на турнире: их поражение всамделишно, а победа условна. Как гоголевский Вакула, обнимавший за шею летящего по небу черта, турист хитер по определению — хотя бы уже по тому, что все его путешествие — имитация преодоления препятствий. Турист никогда не покидает пункт отправления: прибыв в пункт назначения, т.е. оказываясь «там», он взирает на местность «здесьним» взором, как тот же Вакула, который при встрече с императрицей едва удержался от вопроса про мед и сало. Турист создает вокруг себя особую ауру, где ему на некоторое время удается отстраниться от изрядно надоевшей повседневности, но, набравшись впечатлений и всего того, о чем можно будет рассказать дома друзьям, он возвращается отдохнувшим к своим прежним заботам. Он никогда не становится странником, т. е. тем, кто открыт переменам, прощается с собою бывшим, выбирает путь и оказывается сторонним всему тому, мимо чего проходит.

Бытие странника — пребывание. Это слово, взятое из языка вымышленных новостей центральных газет советского времени, как ни странно, в экзистенциальном плане наиболее точно фиксирует момент избыточного бытия, наполненности до краев проживаемой жизнью.

Пребывание — это максимальное единение с той местностью, через которую пролегает дорога. В лесу ты — лес, в степи — ее пыль и пожухлая трава. Пребывание — это процесс некоего внутреннего наполнения человека уникальным опытом, о котором можно сказать так: нельзя пройти через что-то, не став тем же. Общение с объектом, каков бы он ни

был, предполагает приближение к нему, что и происходит ко всякому, кто вышел на дорогу. Без этого приготовления к встрече реальные события проживаемой жизни скудны как телевизионные новости. Моментальное овладение объектом, что практикуется современными средствами массовой информации и техническими достижениями в сфере транспортных услуг, застигает человека врасплох: он взирает на ущелье, доставленный на вершину по канатной дороге, разговаривает с обитателями затерянного в глуши монастыря, забыв выключить сотовый телефон. И, удрученный банальным смыслом увиденного и отсутствием настоящих впечатлений, отступает, сокрушаясь по поводу своей наивной веры в наличие высших уровней бытия. В эпоху справочной литературы, путеводителей и квалифицированных туроператоров мысль о том, что справочник по определению не может быть литературой, а сущность предмета открывается лишь по мере приближения к ней, скорее всего будет воспринята как банальность. Тогда попробуем высказаться иначе, не без риска вызвать неудовольствие паломников, посещающих святые места: опыт дороги важен тем, что позволяет дистанцировать путника от собственного желания получить ожидаемый результат, поскольку дорога, это извечное «еще-не-ставшее-бытие», присутствует у всякой сущности в качестве оболочки, защищающей ее от суетливой профанации.